

Предисловие

Сменяют друг друга времена года, день и ночь играют в догонялки, кружится вокруг солнца мир, и мы вместе с ним.

День за днем садимся в одни и те же автобусы, едем по делам, возвращаемся домой и отдыхаем, устроившись поудобнее с чашкой чая в любимом кресле. Проживаем жизни, идем по тропинкам, что подарены нам судьбой, иногда сталкиваемся, удивленно поднимаем глаза, рассматриваем друг друга и торопимся дальше.

Трудно сказать, например, кто он, этот человек, что сидит рядом с нами в метро или бежит сейчас по тротуару, извиняясь на ходу и расталкивая прохожих локтями. Счастлив он или ускользает от печали? Чем живет и о чем мечтает?

А что, если сделать паузу, выключить телефон, взять в руки книгу и окунуться в мир историй и персонажей, которые при ближайшем рассмотрении оказываются похожими на нас?

Именно это предлагаю сделать, пока у вас в руках сборник моих рассказов.

О чем они? О том, что чувствует мужчина и думает женщина, о надежде, силе любви и безграничной материнской заботе, о добре и зле, воплощенных в людских делах.

Образы для своих произведений ищу в обычной жизни. От этого и рассказы получаются близкими любому человеку. Герои в них сильны и слабы, мыслят и страдают, радуются и оказываются перед сложным выбором, переживают предательство и находят силы идти дальше.

Начиная новый рассказ, даю образу имя, и он уже не безликий прохожий, запавший в память, а самостоятельный персонаж, который внимательно наблюдает за мной, ждет.

Что будет дальше?

Рассказ.

Прожектор воображения на миг выхватит кусочек жизни героя, озарит его лицо, мысли и чувства, помогая увидеть сокровенное.

Герои, придуманные судьбы и поступки, фейерверк чувств и переживаний. Все это соединяется — и вот готова летопись чьей-то жизни.

Придуманная, она потом попадает к читателю, и он вдруг узнает в герое себя, близких, вспоминает то, что когда-то чувствовал. И вот тогда моя выдумка становится реальностью.

Я начала писать рассказы несколько лет назад, выкладывая их в социальные сети. Люди читали, просили написать еще. Постепенно собралась небольшая аудитория, что поддерживала меня. Рассказы становились длиннее, образы раскрывались, наполнялись мелкими деталями, которые, как мозаика, собирались в единую картинку, создавая иллюзию короткометражного фильма, суть которого — наша с вами жизнь.

Предисловие

Только в отличие от нее в рассказе можно вдруг послать герою помощника, изменить его судьбу одним нажатием клавиши, вложить в его руки все дары мира, не требуя ничего взамен. Мои рассказы, как реки, текут, прокладывая себе русла. Начиная писать, никогда не знаю, чем закончится история.

И это люблю в творчестве больше всего. Свобода, магия, безграничность фантазии — вот прелесть писательского дара.

Но рассказ остается только набором букв, пока читатель не ощутит его вкус, не скажет, пожав плечами: «А ведь и так бывает!» Тогда история оживает, взъерошивает перышки и начинает свой путь. Она летит к вам бумажной птицей. Так давайте же подставим ей руку, тихо позовем и прислушаемся. Возможно, это история о вас.

Река дождется

Полина добралась до вокзала вовремя. Поезд, на котором ее младшая сестра Тамара должна была приехать, вот-вот покажется из-за поворота.

Внимательно вглядывалась в искривление рельсов, уходящих за старые полуразрушенные здания.

Когда-то и она с чемоданчиком, в поношенных, отданных соседкой сапожках приехала в этот город. Изменить жизнь, стать кем-то, кроме дочери, сестры и хорошей ученицы сельской школы. Ее никто не встречал, все нужно было делать самой.

И Полина делала. Поступила в училище, добилась места в общежитии.

— И в кого ты такая упрямая, Горшкова? — ворчала на нее комендант, когда девушка в очередной раз пришла жаловаться на текущие потолки и холодную воду в душе.

— В отца, — отвечала она.

— И кто же у нас папа? — язвительно спросила комендант.

— Рыбак.

— Потрясающе.

Но на следующий день крышу залатали, краны починили. Было что-то в этой девчонке, какой-то внутреннй стержень, который заставлял окружающих верить, подчиняться, уважать и считаться с ее мнением.

* * *

Отец Полины и Тamarы, Родион Федорович, был простым рыбаком. В команде таких же обветренных, с потрескавшимися пальцами и косматыми бровями мужиков он уходил рыбачить на реку. Добычу сдавали на местный рыбоперерабатывающий комбинат, который и кормил всех жителей деревни.

Мать девочек, веселая Иринка, незатейливую свою жизнь любила, но дочкам хотела другой судьбы.

— Уезжай, Поля. Ты умная, человеком станешь, отучишься, в городе и развлечений тебе больше, и работа найдется хорошая. Пора нашу семью в люди выводить!

Полина, обустроившись в общежитии, еще долго отмывала запах рыбы с белой нежной кожи. Ей казалось, что все оборачиваются ей вслед, потому что она вся, до косточек, пронизана этим въедливым, резким ароматом.

И вот теперь, отучившись и получив комнату в коммуналке, встречала младшую сестру, чтобы показать ей иную жизнь.

Но Тамарка была другой. Светло-коричневая, выцветшая на солнце штормовка, резиновые сапоги. Обветренное лицо с грубоватой, но пышущей ярким здоровым румянцем кожей и горящими глазами. Копия отца по складу души. Родион иногда сожалел, что Томка девчонка. Пацан стал бы наследником его промысла.

Тамара часто приходила на берег реки, садилась на старое дерево и слушала воду. Та разговаривала с ней,

журчала и всхлипывала, принося камушки и оборванные нити водорослей.

А потом, когда лодка отца появлялась у пристани, бежала туда, чтобы первой похвалить за отличный улов.

— Ну ты как не от мира сего, — качая головой, твердила мать. — Все девчонки косы заплетают, платья шьют да в клуб ходят, а ты все на пристани с мужиками. И чего ты в этом нашла? Нехорошо.

— Не знаю, мама. — Тамара опускала взгляд, хмурилась, а потом улыбалась и продолжала: — Папа же хотел сына. Вот я за него.

Родион не показывал, но в душе гордился своим «сорванцом».

— Хватит, дочка. Вон, Полина уже работает. Пройдет лето, отправлю тебя в город. Пора взрослеть, не всю же жизнь ты собираешься рыбу чистить. — Ирина строго смотрела на дочь. — Ты прям дикарка какая-то.

— Но мама, мне и здесь хорошо. Работать буду, папе помогать. Он обещал меня взять к себе в бригаду.

— И не думай. Женщина-рыбак! Позорище.

Ирина все решила. Родион, понимая, что, наверное, она права, и Тамаре действительно нужно дать шанс узнать другую жизнь, перечесть не стал.

— Ничего, Томка, съезди, навести Полюшку, отучишься, вернешься.

— Но папа!

— Надо, и не спорь. Я неуч, только и умею, что шук ловить. А ты молодая, сильная, все будет хорошо.

* * *

Заканчивался август. Тамара больше всего любила это время. Природа как будто последний раз вздыхает, а потом осыпается, тускнеет, готовясь к долгим крепким хо-

лодам. Река осенью особенно прекрасна. Гладкая и туманная по утрам, к полудню она как будто вскипала, боясь замереть от ночных заморозков.

Тамара с тоской смотрела на реку. Расстаться с ней было трудно. Но надо.

Последний раз спустилась к воде и бросила ей прощальный подарок — венок из найденных в поле ромашек. Вода с благодарностью приняла его, коснувшись рук девушки, и унесла далеко на середину, где течение, гоня первые упавшие листья, спешило вперед.

Родион, когда дочь уехала, не позволил жене убрать в шкаф Томкину штормовку, спрятать в сарай ее сапоги.

— Вернется моя помощница. Ей это все понадобится.

— Брось. Дай ты ей пожить нормально! У людей вон и ванна в доме, и телевизор. Она еще не поняла, как может быть по-другому. Не вернется.

* * *

Полина увидела сестру издалека. Та, медленно идя по перрону, несла точно такой же чемоданчик, какой был и у Поли много лет назад. История повторялась, только героиня была совсем другой.

Сестры обнялись и пошли к метро. В нос ударил такой знакомый запах рыбы. Полина скривилась от отвращения. Та жизнь, ограниченная, грустно-постная, вдруг замаячила перед ней настолько явственно, что стало страшно. Но потом вдруг исчезла, растворилась в суете города, который уже не отпускал ее, надежно опутав суетой и иллюзией комфорта.

— Заходи. Я тебе здесь постелила, на кушетке. Вот тумбочка, ванная в конце коридора. Иди пока, душ прими. Мыло на раковине земляничное возьми. Одежду новую дам. Пора прекратить пахнуть, как рыбный магазин.

Тамара, уставшая и какая-то стеклянная, делала все, что велела сестра.

Вступительные экзамены, провал и работа на хлебобулочном комбинате, вечерние походы по украшенному к новогодним праздникам городу, театр, кино и танцы в Доме культуры. Тамара впитывала все, что нужно было, чтобы стать такой, как хотела сестра.

Искренне и целиком отдавая себя Тамаре, Полина старалась, но чувствовала, что все напрасно. Тома как будто пропускала все через себя, а потом забывала, сидя по вечерам у окна и смотря куда-то вдаль. Где-то там, за километры от этой комнаты, висит на гвоздике ее штормовка, сапоги, притулившись в углу, тихо облокотились на отцовские, высокие сапожищи. Все готово к ее возвращению. Нужно только немножко подождать.

* * *

— Домой поеду, надо родителей навестить, — как-то весной сказала Тамара, перекладывая на тарелки солнечно-белую яичницу.

— Зачем? — удивилась сестра. — Они же писали, что все хорошо.

— Хочу. Я здесь задыхаюсь, понимаешь? Мне нужно хоть краешком глаза увидеть нашу реку. Помнишь, как папа учил нас там плавать? А как лосенок с того берега приплыл к нам и запутался в траве ногами?

Воспоминания, прорвавшись, все лились и лились, заполняли комнату, вытесняли все суетное, тревожное и наносное. Город сдавался, отступал, растворялся в этом потоке солнечных брызг, душа девушки возрождалась.

— И не думай! — вдруг закричала Полина. — Туда ехать «три дня на оленях». А у тебя работа. Сначала на билет накопи, а потом уезжай.

Поля знала, что не права. Но она же тогда удержалась, осилила, перетерпела, когда было трудно и грустно, запретила себе возвращаться домой. Потому что мать верила: дочь добьется лучшего, потому что так было надо. Потому что вернуться — значит признать слабость, потому что если позволить себе поехать домой, то на обратную дорогу в городскую жизнь сил уже не будет.

Не желая сознаваться в этом, она любила родные места так же сильно, как и младшая сестра. Но загнала эту любовь куда-то далеко, закрыла ставнями и навесила большой замок. Она будет такой, какой не смогла быть мама, «станет человеком», чтобы родители гордились ею. А река? Река подождет.

Тамара в слезах вышла во двор. Прохожие толкали бредущую по тротуару девушку. А она невидящим взглядом смотрела вперед. Ей мерещились шелест камыша, всплеск волны и запах. Тот, что Полина приказала уничтожить земляничным мылом, купленным в универмаге.

Но сны отобратить не мог никто. В них было все просто и ясно. Время и расстояние с готовностью преломлялись, подчиняясь желанию спящей. Каждую ночь Тамара, лежа в кровати, засыпала под стук колес проносившегося под окном трамвая, а потом этот звук превращался в нечто особенное, одной ей ведомое и потому нежно оберегаемое.

* * *

Звонок телефона разорвал ткань утра. Мать, встревоженная и растерянная, кричала в трубку, что отец заболел, нужно приехать. В ушах так и стучало ее недосказанное «попрощаться».

О чем поет сердце

Поезд, бессонная ночь. Сестры соскочили с телеги и побежали по дороге к дому. Грязь, хлюпающая и хватающая за подошвы, старалась помешать им, но они как будто и не замечали некрасивых разводов на новеньких сапожках, спеша в родительскую избу.

Мать встретила их у порога, обняла, причитая, и провела внутрь.

— Когда? — тихо просила Тамара, закусив губу.

— Вчера вечером. Все ждал вас, приказывал во двор выходить, смотреть, не идете ли. Что ж вы так поздно?

Ирина зарыдала в голос. Громко, по-бабьи, с всхлипами и завываниями.

— Мам, успокойся, мама, — Полина теребила мать за плечо, но уже сама рыдала в голос.

А Тамара, замерев и глядя на дверь, слышала только одно слово: «Ждал, ждал, ждал». Ждал, храня на гвоздике ее штормовку, ждал, заботливо прислонив к стене ее резиновые сапоги, ждал, а она не успела.

Тамара вдруг кинулась к двери, распахнула ее и выбежала на улицу. Она стремилась к реке, к воде, к той, что была одной на двоих, любовью и смыслом существования в этом Богом забытом месте.

Река невозмутимо текла, повинуюсь вечным законам бытия. Но Тамару узнала, приветливо плеснула в лицо брызгами, лизнула носки сапог, обняла свежим, терпким ароматом водорослей.

— Я вернулась, папа, — прошептала она. — Спасибо, что ждал, прости, опоздала.

Катер взволновал воду, заставив ее густой пеной удариться о берег. И в этом шуме Тамаре почудился легкий вздох отца. Простил.

После похорон Полина уехала в город. А Тамара с матерью остались жить в деревне. Каждая из сестер выбрала свой путь, чтобы не опоздать прожить свою жизнь.

В маршрутке

Каждое буднее утро было похоже на предыдущее. Завтрак с запекшейся до жесткой корочки яичницей, кусок хлеба, накрытый толстеньким кругляшом колбасы, и чашка чая. Виктор не любил кофе. Он казался ему слишком резким, бьющим по вкусовым рецепторам и как бы смывающим всю прелесть утренней рассеянности.

Быстро помыв посуду и собравшись, Виктор выбежал из подъезда. Нужно было успеть на маршрутку до города. Очередь на нее загибалась и тянулась вдоль тротуара, словно змея. И все здесь уже были «своими». «Голова» очереди — это встающие раньше всех две женщины. Они отводили детей к закрытым дверям сада и бежали на работу. Малышня в это время развлекала сторожа незатейливыми рассказами о жизни.

Дальше стояли мужчины разного возраста, кто в кепке, кто в шляпе, кто с всклокоченными макушками. Нервно поглядывали на часы и, вытягивая шеи, смотрели в ту сторону, откуда Тимофей Игнатьевич должен был прикатить на своем микроавтобусе.

Виктор знал всех людей, ехавших вместе с ним, они всегда были одни и те же. У них получился слаженный коллектив, который знает особенности и предпочтения каждого. Кто где сидит, кому нужна помощь, чтобы забраться в машину, кто любит занимать последние сидения. Пригород с его однообразной жизнью не ждал новых жильцов, а здешняя маршрутка — новых пассажиров.

Но сегодня что-то изменилось.

Виктор ощутил это прежде, чем увидел.

Резковатый терпкий аромат духов, хруст бумажной сумочки, в которую что-то пытались положить, но не выходило, вздохи и удары каблучков об асфальт.

Обернулся.

Девушка, миленькая, с уложенной на «пятерку с плюсом» прической, в модной одежде, маникюром и тревогой на лице встретила с ним глазами, но тут же отвела их в сторону.

Подъехала маршрутка. Тимофей Игнатьевич бодро отсчитывал сдачу, приглашая пассажиров на посадку.

Все места заполнены. Можно ехать.

Водитель сделал радио потише, уважая право гостей на получасовой прерывистый сон, и включил зажигание.

Витя тоже задремал. Это выходило как-то само собой. Организм автоматически переходил в режим экономии энергии, отключая все ненужное.

— Да, Светик! Это я! Не узнала? Это Даша.

Виктор и все, кто уже погружался в сладкую дрему, вздрогнули.

Новенькая, держа телефон у маленького аккуратного ушка, мелодично рассмеялась.

— Да, переехала. Не знаю пока, только первый день сейчас. Игорь? Со мной. Нет, он на машине поехал. Нет, не предлагал пока. Но готовится, наверное.

Снова легкий, звонкий, счастливый смешок.

— Девушка! Нельзя ли потише? — Дама на первом сидении недовольно обернулась.

— Ой, извините. — Даша виновато кивнула. — Это не тебе. Как ты?

Далее, видимо, Светик рассказывала, как она, потому что Даша только угукала и кивала красивой головкой.

Виктор снова задремал. Ехать оставалось недолго.

— Ладно, пока, уже в метро захожу. — Даша вдруг опять чуть громче, чем нужно, обратилась к подруге. Пассажиры заморгали и встрепенулись. Приехали.

Остановившись перед входом в метро, Тимофей Игнатьевич пожелал всем удачи и открыл двери. Люди ловко выскакивали на тротуар и расходились по своим делам.

* * *

Яичница, бутерброд, чай, который Витя случайно подсластил два раза и его пришлось вылить, зонтик, застрявший между вешалкой и стеной. Обычное утро. Суэта переместилась из стен квартиры на улицу. Виктор уже бежал на остановку.

Занял свое место в очереди. «Бельчонок» тут же пристроился за ним. Он узнал ее по духам.

Тимофей Игнатьевич опять поздоровался и впустил всех в салон.

— Светик? Я села. Да, в сапожках. Ну те, что мы с тобой видели. Да. Купил. Я потом меняла, натирала, да да. Он у меня такой замечательный. Знаешь, ни в чем мне не отказывает.

Дама в черном пальто, сидящая рядом, покосилась на говорливую соседку, осмотрела ее с головы до акkuratных сапожек и скривила губы.

А Даша тем временем щебетала о выходных, как они с Игорьком поедут куда-то в гости, что наденет, что там будет делать. Маршрутка во главе с Тимофеем Игнатьевичем узнала, что Даша до смерти боится змей, что в лес за грибами она не пойдет.

Окружающие закатывали глаза, шикали на нее, она извинялась, начинала шептать, но Светик слышала плохо, приходилось снова повышать голос.

— Да, там обещают хорошую погоду, — Даша уверенно смотрела в будущее. Света что-то отвечала на том конце беспроводной связи, спутник услужливо передавал это в аккуратненькое ушко, Даша улыбалась.

— Нет, будет дождь, — раздалось вдруг с последнего ряда. — И похолодание.

Все обернулись, даже Даша. Угрюмый мужчина в серовато-полосатой кепке сдвинул брови, подняв лицо над газетой. Он грозно смотрел на общительную пассажирку.

— Свет, а тут вот мужчина говорит, что плохая погода будет. Извините, как вас зовут? Светик спрашивает.

— Роман Петрович меня зовут. Привет Светику.

— Да, так вот, Роман Петрович говорит, что дождь. Уж и не знаю. Что тогда брать-то с собой? А если он хочет... в такой красивый момент.

Дальше следовало перечисление цвета и фасона имеющихся вещей, уточнения и обсуждения нарядов для момента предложения руки и сердца.

Кто-то в углу тихо застонал. Угрюмый в кепке опять уткнулся в газету.

Даже водитель, уверенно пробирающийся через утренние пробки, стал чаще поглядывать в салон. Дашина трескотня, звонкая, по-девичьи легкая, мечущаяся от темы к теме, заставляла его улыбнуться.

— Эх, дочки у меня такие же. Как сядут вечером, как начнут свои разговоры, ей-богу.

— Ну, ладно, Светусик. Уже мы к городу подъехали. До понедельника. А то там, в глуши, связи нет. Пока.

— Пока Светику! — сказали два веселых паренька за спиной Даши. Она улыбнулась им и кивнула.

Люди спешили по делам. Получасовая передышка перед рабочим днем закончена.

Витя проводил взглядом говорливую попутчицу. Даша побежала ко входу в метро. Он хотел догнать ее, но передумал. Образ Игоря, «замечательного», «ни в чем ей не отказывающего», заставил одуматься и пойти своей дорогой.

Выходные пролетели быстро. Как будто ты хотел сфотографировать молнии, мелькавшие на небосклоне, только нацелил объектив фотоаппарата, а гроза уже закончилась. Виктор снова стоял на кухне. Глазунья шкварчала, колбаса закончилась, потому что ее вчера доел Витин сосед, заходивший за молотком, но засидевшийся до вечера, к чаю были баранки.

Вите было тоскливо. Но потом, уже выходя из подъезда, вспомнил, что сегодня Светику будут рассказывать о поездке за город. Надо успеть!

(Виктор не был поклонником женских сериалов и не смотрел мелодрамы. Но отчего-то ему было очень важно узнать, решил ли Игорь на «то самое», что навеки вырвет Дашу из его, Виктора, снов.)

Даша пришла грустная. Все в очереди невольно обращивались, ища ее глазами, прищурившись, рассматривали и, пожав плечами, отводили взгляд.

Сама того не подозревая, эта болтушка уже стала «внутрисалонной достопримечательностью», как будто Тимофей Игнатьевич подключил опцию бесплатно-го полчаса сериала-монолога.